

ИСТОРИЯ НАУКИ

Г. И. ВЗДОРНОВ

Н. П. Кондаков в зеркале современной византистики

Жизнь Никодима Павловича Кондакова (1844—1925) пришлась на эпоху, когда гуманитарная наука в России находилась в стадии становления и лишь немногие ее отрасли, такие, как история и филология, пользовались относительно прочной государственной поддержкой. Говоря об их официальном признании, мы имеем в виду то, что обе эти дисциплины входили в систему университетского преподавания, а позже они стали предметом специального изучения и в Российской Академии наук. Но Н. П. Кондаков не «чистый» историк, а историк искусства, и не искусства вообще, а для XIX в. совершенно экзотического его раздела — византийской живописи и архитектуры и византийского прикладного искусства. Сделать ученую карьеру на столь узком предмете изучения было почти невозможно, но Н. П. Кондакову удалось добиться значительно большего: он самостоятельно выработал новую научную дисциплину и стал одновременно и основателем и наиболее выдающимся представителем византистики, причем с годами его авторитет не только не потускнел, но приобрел международное признание. И совсем не из уважения к возрасту ученого, а благодаря его неустанной и плодотворной деятельности.¹

К жизни Н. П. Кондакова менее всего приложимо понятие счастливой удачи, допускающее случайное стечение обстоятельств. Разумеется, родство семьи Кондаковых с московским митрополитом Филаретом Дроздовым открывало молодому ученому доступ к церковным сокровищам не только Москвы и Петербурга, но и всей России. Его тесное сотрудничество в Комитете попечительства русской иконописи с личным другом Николая II графом С. Д. Шереметевым давало издательские и прочие преимущества перед другими исследователями старины. Избрание в академики Российской Академии наук обеспечивало такие материальные условия, когда отпадала необходимость работать за кусок хлеба, как это было в юные годы Н. П. Кондакова. Но общественное и высокое ученое положение Н. П. Кондакова достигалось не в одночасье, а в течение долгих лет, заполненных каторжным трудом. Чтение его ранней книги о путешествии на Синай (1881) вызывает содрогание на тех страницах, где он описывает свое плавание от Суэца до западного побережья Аравии — плавание в каюте, в буквальном смысле шевелившейся от тысяч бытовых насекомых: при таких ужасающих условиях добывались научные материалы для исследований тридцатилетнего Н. П. Кондакова. Его личный опыт учит нас, ученых иной

¹ Литература о Н. П. Кондакове достаточно велика, но его полной научной биографии до сих пор нет. Предпринятый в этом направлении труд Ф. И. Шмита остался незавершенным из-за ареста и ссылки автора. См. Санкт-Петербург отделение Института археологии РАН, ф. 55, ед. хр. 40, л. 1—68.

эпохи, честному служению избранному делу, без которого все, даже, может показаться, легко достижимые цели останутся пустым звуком и бесплодным мечтанием. При крайней разбросанности византийских памятников по музеям Старого и Нового Света, а также Ближнего Востока представляется все же совершенно невероятной исследовательская практика чисто кабинетного характера с изучением искусства по альбомам, статьям, каталогам и монографиям, опубликованным другими учеными. Ничего, кроме субъективных суждений и вымыслов, такая работа не даст. Личное ознакомление с вещами в какой-то мере ограждает ученого от безудержных фантазий и словесного сора, поскольку мысль поневоле фокусируется на зрительных впечатлениях, в том числе и на материальных (неизобразительных) признаках произведения искусства. Вот почему трудоемкая и сопряженная с разного рода лишениями и неприятностями выездная работа представляется наиболее желательной формой общения с предметом исследования. Именно такой путь был выбран Н. П. Кондаковым в качестве средства ознакомления научной общественности с результатами своих исследований. Едва ли не ежегодно он собирался в дорогу, и все лучшие кондаковские работы являются не чем иным, как капитальными отчетами о путешествиях: на Синай и Афон, в Сирию и Палестину, в Константинополь, на Балканы, в классические страны Европы, по русским столичным и провинциальным городам и монастырям. Сытое, благополучное, глухое к окружающей действительности существование было до такой степени чуждо натуре Н. П. Кондакова, что он скорее умер бы, но не оставил своего ежедневного труда и ежегодного конного или вагонного ученого путешествия.

Н. П. Кондаков прожил долгую жизнь: он скончался в возрасте восьмидесяти лет, а его научное творчество охватывает — с момента первых публикаций в 1866 г. — без малого шесть десятилетий. Учитывая необыкновенную работоспособность, жажду находить и издавать сотни и тысячи памятников археологии, истории и искусства, кажется на удивление небольшим общее количество печатных трудов ученого: не считая двух фундаментальных посмертно изданных работ о русской иконе и искусстве народов Востока, это около ста публикаций! Средняя цифра для списка статей не совсем ленивого современного доктора наук. Но стоит припомнить, что именно Н. П. Кондаков напечатал в течение указанного шестидесятилетнего срока, как ясно обозначится гений нашего соотечественника. Основу списка его работ образуют фундаментальные монографии, в которых разработаны не только специальные темы, но и широко затронуты многие общие вопросы истории византийского искусства. Как правило, за предмет исследования берутся крупные историко-географические территории, центры своеобразных культур: Синай, Сирия, Палестина, Македония, Грузия, Афон, Россия. Столичная культура Царьграда дополняется таким образом творческим наследием ближневосточных, балканских и русских земель, где ключом была художественная жизнь, отстоявшаяся в конечном счете в совсем новые формы искусства и архитектуры восточнохристианского мира. Научная интуиция подсказывала Н. П. Кондакову, что цельное восприятие этой культуры дает в руки исследователя надежное средство ее настоящего понимания. И он никогда не отрывал историю одного региона от истории другого, справедливо утверждая, что художественное явление обладает способностью обнаруживать никак не предсказуемые общие признаки в самых, казалось бы, несходных географических и временных точках. В наше время византистика распалась на сотни обособленных тематических разделов, и мы не припомним ни одной сколько-либо фундаментальной научной работы, основанной на общности всей восточнохристианской культуры.

Византийская и славянская художественная культура средневековья была в глазах Н. П. Кондакова продолжающейся культурой. Менее всего он был склонен оценивать ее как мертвую, чисто археологическую дисциплину — предмет занятий ученых-медиевистов. Такое понимание прошлого в значительной мере стимулировалось политической ситуацией на Ближнем Востоке и на Балканах во второй половине XIX и в начале XX в. Русско-турецкая война, завершившаяся освобождением южных славян от турецкого владычества, нейтрализация Черного моря, вопрос о проливах, балканские войны начала текущего века и многие другие острые вопросы внешней политики Российской империи не могли не волновать Н. П. Кондакова, так как его научные интересы были сосредоточены как раз в этих географических пунктах. Приведем характерный пример. Путешествие в Македонию в 1900 г. было предпринято им по поручению президента Российской Академии наук великого князя Константина Константиновича при очевидной финансовой и организационной поддержке правительства, которое в этом случае воспользовалось Н. П. Кондаковым как ученым прикрытием для политической разведки на Балканах. Да и сам исполнитель этой деликатной миссии в своем изданном отчете о командировке не скрывал политического аспекта экспедиции, целью которой было добывание «таких научных историко-археологических и филологических оснований, которыми можно было бы воспользоваться в будущем при постановке крупного политического вопроса, образуемого как современным положением Македонии в Турецкой империи, так и отношениями к ней и ее племенному составу соседних стран и национальностей Балканского полуострова».²

Македония, три части которой оказались позже на территориях Греции, Болгарии и Сербии, с давних пор служила предметом политических притязаний разных стран, и любопытно, что при выяснении этнической принадлежности македонских славян Н. П. Кондаков пришел к твердому убеждению в их древнеболгарском происхождении. Учитывая взрывоопасную ситуацию на Балканах, такой вывод не мог лишний раз не накалить отношений как между славянами, так и между Турцией и Австрией, чьи интересы на Балканах были в указанное время определяющими. Ученые общества в Македонии и ее представители в эмиграции незамедлительно называли Н. П. Кондакова «защитником угнетенных национальностей», и даже спустя четверть века, в 1924 г., намереваясь ехать из Праги в Болгарию, Н. П. Кондаков не без шутки писал С. А. Жебелеву, что ехать ему придется не иначе как через Румынию, так как «Сербия не даст визы».³

Современная византистика мало связана с политикой и текущей жизнью того или иного народа, находившегося ранее в сфере влияния Византийской империи. Отвлеченно-историческое отношение к действительности давно вытеснило из науки прежние волнения и страсти, так неожиданно дающие о себе знать при чтении статей и книг Н. П. Кондакова и его современников. Какую бы из работ Н. П. Кондакова мы ни взяли, мы легко улавливаем пульс современной ему жизни, чутко откликавшейся на самые злободневные события. В этом сказывалась гражданская ответственность ученого, обнаруживающая родство с той чисто русской «совестью», которая ярко окрашивает ученую мысль и художественное творчество наиболее известных русских писателей, художников и ученых: И. С. Аксакова, Ф. М. Достоевского, М. Е. Салтыкова-Щедрина, В. В. Стасова, Н. С. Лескова, Л. Н. Толстого и мн. др. Политическими соображениями (достаточно, впрочем, консервативными) была продиктована и эмиграция

² Кондаков Н. П. Македония. Археологическое путешествие СПб 1909 С 1

³ АРАН (С.-Петербург филиал), ф 729, оп 2, ед хр 168, л 156 об

Н. П. Кондакова из России в Болгарию и Чехословакию: он не мог примириться с коммунистическим режимом, душившим всякую самостоятельную инициативу и уже показавшим свою нетерпимость к инакомыслию. В бытность свою в Одессе в 1918—1920 гг. Н. П. Кондаков активно сотрудничал с белогвардейскими газетами, и его отъезд в Константинополь вместе с И. А. Бунинным был предопределен не прошлой, а как раз этой фазой его жизни.

Если мысленно представить себе всех сколько-либо заметных русских исследователей византийского искусства, истории и культуры, мы вряд ли найдем хотя бы одного ученого, интересы которого были бы сосредоточены только на византийской теме. Их постоянно занимала также и русская тематика. Причина заключается здесь в том, что русские ощущали себя живой ветвью тысячелетнего древа византийской цивилизации: по своей вере, литературе, архитектуре, иконописи да и во многом другом. Н. П. Кондаков не был исключением и, как никто другой, активно разрабатывал вопросы русского искусства. Далекий от крайностей внешнеполитического ведомства, мечтавшего временами о возвращении проливов и о православном кресте на Софии Константинопольской, он видел свою задачу в разработке исторических связей искусства России с искусством Византийской империи. Воспринимая русское наследие предыдущих эпох как специфический раздел греческого, он, однако, намеренно ставил акцент на его национальной особенности. Пользуясь лексикой Н. П. Кондакова, его главный тезис в этом вопросе звучал так: «искусство византийское, но мастерство русское». Таким образом эта проблематика решалась и в отношении сербского, болгарского и румынского искусства, а также и Кавказа, прежде всего Грузии, куда он совершил путешествие в 1889 г. Патриотическая направленность исследований Н. П. Кондакова в области славянских древностей в целом и русской старины в частности совсем не означает, конечно, сознательного сужения его науки, и он настойчиво стремился поставить предмет своего изучения в общую историю европейской и восточной культуры. Его научные изыскания выгодно отличались по широте постановки проблемы от изысканий ряда его современников, копавшихся исключительно в остатках отечественного прошлого и неизбежно впадавших в фактологическую пестроту и еще чаще в фактологические ошибки при истолковании того или иного художественного явления.

Н. П. Кондаков нередко обращался к таким формам деятельности, которая может быть квалифицирована как общественная, — качество, ныне поголовно утраченное учеными-византинистами. Что, в самом деле, заставляло его заниматься реформами Академии художеств или устройством учебных иконописных мастерских в Палехе, Мстере и Холуе? Что побуждало его заниматься составлением и изданием иконописного подлинника, затрачивая на такие труды долгие месяцы, а то и годы своей жизни? Легко сказать (и в этом будет значительная доля правды), что тут сыграло свою роль повышенное чувство личного долга. Состоя членом большого числа ученых обществ и комитетов, Н. П. Кондаков не считал возможным уклоняться от работы соответственно задачам каждого из таких учреждений и вносил в их деятельность свою долю труда, знаний и опыта. Комитет попечительства русской иконописи занимался обустройством сельских иконописных школ и изданием образцовых икон и рисунков, рекомендуемых для воспроизведения в названных школах. Несмотря на крайнюю сомнительность художественной ценности подобных вещей, они образуют огромный пласт поздней иконописной практики и, как показало время, органично входят в общую историю русского иконописания. Неоднократно выраженное Н. П. Кондако-

вым мнение, что со временем такие иконы будут изучаться наравне с древними, подтвердилось в наше время.

В наследии Н. П. Кондакова заметно не только постепенное преобладание русской темы, но и поразительное возрастание фундаментальных исследований ученого. В 1914—1915 гг. Академия наук печатает его двухтомную «Иконографию Богоматери», спустя несколько лет он заканчивает третий том, посвященный иконографии итальянской Мадонны, и продает его Ватикану; в годы первой мировой войны он работает над колоссальным по объему текста и количеству иллюстраций трудом о русской иконе и, наконец, уже в годы эмиграции заканчивает книгу о древностях кочевых народов Востока. Все названные книги написаны им в возрасте за семьдесят, и это научное долголетие ученого не может не изумить даже ко всему привычного человека. Мы не упоминаем о статьях, сообщениях и рецензиях, которые тоже выходят за рамки формального объема и содержания, подобно, например, статье о Иерусалиме для «Православной богословской энциклопедии» (1905) или менее обширной, но столь же содержательной статье о древностях Константинополя для журнала «Светильник» (1915).

Характер Н. П. Кондакова определился в годы его молодости. Выходец из социальных низов, он долгое время зарабатывал поденной преподавательской работой и возненавидел ее на всю оставшуюся жизнь. Но он был вынужден заниматься ею и позже: в Новороссийском и Петербургском университетах, снова в Одессе, в Софии и, наконец, в Праге, где ему, восьмидесятилетнему старцу, пришлось читать лекции дочери президента Масарика и сыну приютившего его на своей пражской квартире американца Крэна. Дослужившись по гражданскому ведомству до действительного тайного советника (что соответствовало полному генеральскому чину), будучи академиком Российской Академии наук и академиком или членом-корреспондентом доброго десятка зарубежных академий и ученых обществ, материально независимый и сознательно не стремившийся к какой-либо роскоши, Н. П. Кондаков тем не менее непрестанно возникавшими обстоятельствами вновь и вновь привлекался к преподаванию. Легко понять, что в таких условиях он мало заботился о формировании собственной научной школы, а если она и давала о себе знать, то как бы независимо от желания самого Н. П. Кондакова. Прямых учеников Н. П. Кондакова было не более трех: рано умерший Е. К. Редин (1863—1908), Д. В. Айналов (1862—1939) и еще один безвременно скончавшийся ученый — Я. И. Смирнов (1869—1918). В одном из немногих последних писем к своему, быть может, единственному близкому другу, С. А. Жебелеву, от 8 июня 1919 г. Н. П. Кондаков пишет буквально следующее: «Вы меня ошеломили сообщением о смерти Я. И. Смирнова: за день ранее Сережа (приемный сын Н. П. Кондакова. — Г. В.) в письме назвал его покойным, а от Вас я узнал, что он уже 10 октября умер и, по-видимому, от истощения. У меня не было ученика, так полно снабженного для науки и так любившего занятия». И прибавляет: «Неужели надо вновь читать в университете и искать учеников?».⁴ При крайней требовательности к научной оснащенности учеников Н. П. Кондакову было трудно найти подходящих кандидатов для собственной школы. Нескрываемую недоброжелательность он обнаруживает в своих отзывах даже о таких позже прославленных ученых, как А. Н. Грабар и Н. Л. Окунев. И даже в Праге, когда уже образовался семинарий Н. П. Кондакова, он сетует на неподготовленность своей аудитории и на бесполезность своих лекций, ценность которых мало соответствовала составу слушателей.

⁴ Там же л 137

Тем удивительнее, что Н. П. Кондакову все-таки удалось приобщить к серьезной науке целое поколение отечественных и зарубежных историков искусства и что семинарий в Праге со временем вырос в большую научную школу. Одиннадцать фундаментальных томов «Чтений по истории, археологии и искусству», более известных в их латинском наименовании («*Seminarium Kondakovianum*»), выходили в течение тринадцати лет и образовали — вкупе с другими изданиями семинария (в частности, с серией *Εσφραγικά*) — настоящий памятник великому русскому ученому. Он, создатель византистики как особого раздела мировой истории искусства и культуры, дожил до того момента, когда в активную деятельность по ее дальнейшей разработке включились десятки молодых ученых. Такое счастье выпадает не каждому. Более того, все нынешние византисты косвенно также являются наследниками Н. П. Кондакова, сумевшего затронуть в своих работах все сколько-либо существенные вопросы византийской истории искусства и наметить главные пути в изучении художественной культуры Византии и славянских стран, находившихся в сфере влияния Византийской империи.